

Александр Олейников

В ШУТКУ
И ВСЕРЬЁЗ

Москва 2019

* * *

*«Не верь, не бойся, не проси»
лагерная мудрость*

В лёд закованы быстрые реки.
Ты безропотно стужу сноси.
И, как учат бывалые зэки,
Ты не бойся, не верь, не проси.

Если «кум» – и садист, и пропойца –
Снова станет тебя вербовать,
Ты не верь, не проси и не бойся,
Хоть грозитя добавить лет пять.

Если лютый начальник конвоя,
В португее и валенках зверь,
Словно коршун, навис над тобою,
Не проси и не бойся. Не верь!

Если ты не боишься, не просишь
И не веришь, то ты – человек,
И по ранней весне ты устроишь
(Бог те в помощь!) удачный побег.

Пусть кружить над бескрайней тайгою
Будет долго ещё вертолёт.
И табак, что рассыпан тобою,
Пусть овчарок со следу собьёт.

Уходи, уходи поскорее!
Пусть следов не оставит трава.
И не выдаст тебя, а согреет
Приютившая на ночь вдова.

Поутру ей дровишек наколешь,
Так напомнившей добрую мать.
И поверив, робея, попросишь
В сердце зла на тебя не держать.

Кириллу и Мефодию

Очень чтят у нас в народе,
Что когда-то брат Кирилл
Равно, как и брат Мефодий
Нас каракулям учил.

Да! Давненько это было!
Больше тыщи лет назад.
Братья письменность внедрили
Нам – славянам, всем подряд.

При тогдашнем изобилии
Дров решили братья те
Сделать проще, научили
Текст писать на бересте.

Но потом, когда деревьев
Стало меньше, как и дров,
Слышим скрип гусиных перьев
Через толщу всех веков.

Развивался дальше рынок
И товаров и услуг.
Слышим пишущих машинок
Равномерный громкий стук.

А теперь, глядите, принтер
На столе моём стоит.
Вот прогресс какой, прикиньте!
Лишь листами шелестит.

И теперь могу признаться:
Каждый день страниц по пять,
А не то и по пятнадцать,
Я строчу! А вам – читать.

Писанины вон в излишке!
Килограмм на двадцать пять!
Эх, напрасно вы, братишки,
Научили нас писать.

Оставаясь в том же русле,
Наш неграмотный народ
Пил бы, пел, играл на гусях.
Правда, он и нынче пьёт.

Послание Федеральному собранию

В нашем славном государстве,
Стал быть, на четвертый срок
Угнездится вновь на царство
Сей плешивый мужичок.

Приобретшие манеры
За три срока чуваки,
То бишь, коррупционеры,
Жаждут царственной руки.

Вон сидит, глядите, пара.
Как прикажешь называть?
Макияж, а вон – тиара!
Кто из них продажней, б...ь?

Ах, Россия, ты Россия!
Понимаем в сей момент,
Что каков у нас мессия,
То таков и контингент.

Ах, элита! Ты элита!
Не могу постичь умом:
Ты и катана, и бита,
И пропущена сквозь сито,
И в семи шампунях мыта –
Всё равно несёт дерьмом.

Все, приветствуя героя
И создателя ракет,
Аплодировали стоя,
Соблюдая этикет.

При таком восторге бурном
В приближающийся день
Понесём все дружно к урнам
За Вована бюллетень.

* * *

*Россия занимает в мире:
1-е место по добыче нефти,
2-е место по добыче газа,
61-е место по уровню жизни (60-е – Шри-Ланка
62-е – Вьетнам)*

Ну что останется от лирики
Сегодняшней, от наших дней?
Нет, лучше буду панегирики
Слагать про нынешних вождей.

Ну что сказать сумеет лучшего,
Пускай, талантливый поэт?
Он превзойти не сможет Тютчева,
Недостижим всё так же Фет.

Нет, я отцов российской нации
Восславлю лучше до небес.
Как много всё же, друг Горацио,
Ещё на свете есть чудес!

Куда вот денежки деваются?
Уходят в яхты и дворцы?
Они, похоже, издеваются
Над нами, нации отцы.

Готов я ждать до заговения
Еще хоть много лет подряд,
Когда же мне соотношение,
Что я привёл вам, объяснят.

Конечно, очень лестно нам,
Что хуже нас живёт Вьетнам.
А лучше нас – Шри-Ланка
Живёт. Гляди – засранка!

* * *

За окном у нас вороны
Строят дом для воронят.
Поселились незаконно,
И о чём-то гомонят.

Вон ворона притащила
Никому не нужный хлам.
Видно, чтобы мягче было
Новорожденным птенцам.

Я за ними наблюдаю,
Жаль, что нет «телевика».
Что внутри гнезда, не знаю:
Не видать издалека.

А внизу сидит котяра.
На гнездо прищурил глаз.
Ждет, надеюсь очень, даром,
Что его наступит час.

Но покроются листвою
Ветки все, в конце концов,
И от глаз чужих укроют
оных, крошечных птенцов.

Я забросил всю работу,
За столом я не сижу.
На ворон и их заботы
С нашей лоджии гляжу.

Вы откуда прилетели?
Из каких таких краёв?
Почему, вдруг, захотели
Тут высиживать птенцов?

Может быть, вы – иммигранты
Из далёких жарких стран?
Проявляете таланты,
Словно зодчий Иофан.

Ностальгия

Сергею Жарову

Мы раньше поскромнее жили.
Порою – покати шаром.
И ключ под ковриком хранили
От незатейливых хором.

Вставали в шесть, ложились в девять,
Поскольку звал родной завод.
Пришла пора обои клеить –
Сосед соседа позовёт.

А как прекрасно в полдень жаркий,
Поднявшись рано на заре,
На перелатанной байдарке
Сплавляться дружно по Угре.

И как прекрасно на привале
Хлепать уху из котелка.
И в кружки спиртик мы плескали,
Для дам разбавленный слегка.

Теперь имеем факт печальный –
Ну, кто ж тогда предполагал,
Что этой дружбе коммунальной
Придёт когда-нибудь финал?

Справлять на кухне именины
Никто соседей не зовёт.
И у подъезда лимузины
Загородили весь проход.

Живём с соседями, как звери,
Забившись в норы! Как сурки!
Сплошь – металлические двери
Да хитроумные замки.

Мне помечтать порой неймётся,
Хотя, конечно, слышу: «Блажь!» –
Вдруг это времечко вернётся,
И старый быт наивный наш!

* * *

*«Дошли до Берлина, дойдём и до Вашингтона!»
наклейка на автомобиле*

Я просыпаюсь утром рано.
Включаю я канал «Звезду».
Как мы воюем в разных странах,
Показа с ужасом я жду.

Согласно логике пожара,
К нам приближается огонь.
И я молю, боюсь, что даром:
«Страну родимую не тронь!»

Мужчин цветущих и здоровых
Мильоны сожраны войной.
Но, бабы нарожали новых
В угоду Марсу. На убой!

Нам снова в хронике покажут,
Как бой за Родину идёт.
И как весной на бабах пашут,
Мы поглядим, разинув рот.

Воитель грозную харизму
Взрастил за два десятка лет.
Но только я милитаризму
Твержу решительное «Нет!».

Пусть станет мир многополярным.
Всё дело к этому идёт.
Но только будущим пожарным
Потом трудов невпроворот.

Майский парад

Вновь гремит оркестр сводный.
Рвётся ввысь трехцветный стяг.
При большой любви народной
Крепнет наш державный шаг.

Вновь на площади ликует
Осчастливленный народ,
Только жалко, что пустует
Мавзолей который год.

Мавзолей задрапирован.
То ли есть, а то ли – нет!
Взгляд участников прикован
К вдохновителю побед.

Поступили мы жестоко,
И ещё сказать хочу:
Очень всё же одиноко
В саркофаге Ильичу.

Подметает там уборщица
Накануне важных дней,
А кому-то очень хочется
Влезть наверх, на Мавзолей.

Помахать народу ручкой.
Вот он я! Глазами ешь!
Со своей придворной кучкой.
Припекает солнцем плешь.

Бронетехника в итоге
Прёт. Чего здесь только нет!
Вот куда ушли налоги
И куда ушёл бюджет.

Сообщают через рупор
Все параметры ракет.
Атташе впадают в ступор –
В США и близко нет!

Вдруг оркестр замолкает
Ошарашенный слегка.
Вон, за техникой шагает
Вагнер вместе с ЧВК.

Нет ни ордена, ни планки
На мундирах. Ни черта!
Но зато в каком-то банке
Пухнут толстые счета.

Чтобы выросли потомки
Силой Родины горды,
Томагавкины обломки
Замыкают все ряды.

Пусть трепещет в страхе НАТО!
Что возиться долго с ним?
Как других врагов когда-то,
Мы и НАТО разгромим!

* * *

Если человек – венец творения,
То позволь , творец, тебя спросить:
Как такое недоразумение
а Земле сумел ты допустить?

Если человек – подобье Бога,
Убедиться можем мы легко,
Что оно, чуть больше, чем немного,
От оригинала далеко.

Ну, а если всё-таки подобье,
Никого тогда я не виню,
А взглянув на наше поголовье,
Мнение о Боге изменю.

Любовный треугольник

Я глупым признакам условным
Значения мало придаю,
И в треугольнике любовном
С большим приятством состою.

Я всем доволен, вне сомнения,
Но я, поскольку, не один,
Узнать полезно также мнение
У двух оставшихся вершин.

* * *

Мы зря не будем горевать,
Не перейдя на «ты».
Так больно с кровью отдирать
Присохшие бинты.

Мы зло порою отличить
Не можем от добра.
Как много может натворить
Случайная искра!

* * *

Я женщине медноволосой
Не стану задавать вопросы.

Боюсь, вопрос о жизни личной
Она сочтёт за неприличный.

Обидеть женщину боюсь
Вопросами, не скрою,
И, лучше, с нею поделюсь
Нескладною судьбою.

* * *

Мы с тобой давно уже не дети.
Оба знаем, что такое страсть.
Как же исхитрились снова в сети,
Так легко, запутавшись, попасть?

Завтра утром, где-то на рассвете,
К берегу потстанут рыбаки,
Нас обоих вытащат из сети,
Скажут: «Что, попались, чудачки?»

Дышат жабры хрипло и глубоко.
На уже незрячие глаза
Наплывает тихо поволока.
Плавно меркнет неба бирюза.

Как же ты додумалась, природа,
Да ещё с приставкой нежной «мать»
То, что от избытка кислорода
Выпадет влюблённым помирать?

* * *

Целую неделю не встречались,
Так сложилось почему-то с ней,
Но надеюсь всё-таки остались
Мы в друзьях за семь минувших дней.

Я держусь за поручни в вагонах,
Как вожатый убеждает нас.
А вокруг военные в погонах
Выполняют это, как приказ.

Нас подземки шустрые вагоны
Весело развозят под Москвой.
Ну и я в Москве – не посторонний,
Разъезжаю с нашенской братвой.

Но сегодня будет день особый!
Надо постараться как-нибудь,
Говорю я сам себе: «Попробуй
Ей в глаза поглубже заглянуть».

Я хотел бы заглянуть ей в душу,
Но, конечно, вслух ей не скажу,
И покой душевный не нарушу.
Ну, а там, быть может, заслужу.

*Сестре Лене,
создавшей памятники
Мандельштаму и Пастернаку*

Растёт недвижимость в цене.

Опять дороже стала.

А я опять сижу в г...е,

Задумавшись устало.

Когда придётся помереть,

Почить, иначе, в бозе,

Прошу меня запечатлеть

В сей неизменной позе.

Конечно, я не Пастернак,

И ниже Мандельштама,

Но всё же не совсем дурак,

Хочу сказать вам прямо.

Я недостоин тех людей,

Не трать напрасно глину,

Но всё же ты не пожалей

Хотя бы пластилину.

Я так сестру свою люблю,
Она, похоже, тоже.
А эпитафию пришлю
Я ей немного позже.

И для себя я так решил,
Что не сыграю в ящик,
Пока еще я не сложил
Слов самых подходящих.

* * *

ещё сестре Лене

Позвонил с утра сестрице,
А она мне говорит,
Что со сломанной ключицей
В «Склифосовского» лежит.

Ты куда глядел, создатель?
Почему же ты не мог
Подхватить, когда ваятель
Падал, взяв под локоток!

Почему-то мне сдаётся,
Что, пока ей тут лежать,
Очевидно, не придётся
Бюст брательника сваять.

А брательник же не вечен!
Надо всё пересмотреть.
Ведь, пока сестрицу лечим,
Может взять и помереть.

Вот, любезная сестрица,
Брат двоюродный один.
Хватит, милая, лечиться,
Пусть срастается ключица.
Выходи-ка из больницы
И берись за пластилин.

* * *

Дорогой внучке Кате – первокласснице

Очень важный день у Кати!
В первый класс она идёт.
Книги, сменку и тетради
В ранце новеньком несёт.

Ей потом ещё учиться
Больше, чем десяток лет.
«Мы хотим тобой гордиться!» –
Говорит ей старый дед.

Выполнять ты можешь смело.
Все задания подряд.
Ведь недаром ты глядела,
Как учился старший брат.

Ну, а если вспыхнет ссора,
Мало ль, что произойдёт,
Старший брат на помощь скоро
Прилетит, а не придёт.

Но, хочу сказать вам, кстати,
Думаю – не ошибусь,
И, характер зная Катин:
«Я за Катю не боюсь!»

* * *

Науку двигают вперёд
Одни энтузиасты.
Учёные – такой народ!
Нет избраннее касты!

С учёными всегда властям
Общаться так приятно.
Но дураки, скажу я вам:
Работают бесплатно.

В отпуске

дорогому Игорю Чусову

Проходит отпуск день за днём.

А я пишу статьи.

Когда, башка, передохнём

От сей галиматьи?

Ногам дурная голова

Покоя не даёт.

Права народная молва –

Конечно, идиот!

Мой друг отнюдь не идиот!

Все знают: он умён.

Но на работу тоже прёт

Вновь вместо пляжа он.

Уже и РАН, по сути, нет.

И нет уже ФАНО.

Но уж такой менталитет

У нас с тобой давно.

У могилы Е.Евтушенко

Конечно, лучше у Набокова
Соседом быть в земле сырой.
Но, в крайнем случае, и Бокова
У изголовия пристрой.

А я всё думаю, однако,
И, полагаю, не один:
«Как бы вблизи от Пастернака
Мне тоже выкроить аршин?»

Когда поэтов перекличку
Здесь проведут, по простоте,
Возможно, кто-нибудь гвоздичку
И мне оставят на плите.

* * *

Писатель Алексей Толстой
Фигурой был, ох, непростой.

Шагая в ногу с веком,
Заигрывал с генсеком.

Он проходил как красный граф
В делах энкаведешных
И умер в славе, не познав
Причуд застенков здешних.

Мой отчим пасынком ему
По жизни приходился.
Мне было лестно, потому
И я в родню пробился.

И жил заветною мечтой
В надежде, чтоб Тортилла
Со дна мне ключик золотой
В подарок притащила.

* * *

Дорогому внуку – Андрюше

Мой внучок – робототехник
К нам недавно приезжал.
Много прежде неизвестных
От него я слов узнал.

Не на грядочке капустной,
Был, похоже, найден он.
Применяет он искусственный
Интеллект, и сам смышлён.

Вон из шкафа вылетает
Беспилотник. Но позволь!
Чем-то он напоминает
То, что раньше звали «моль».

Беспилотник беспардонно
Издрыявил шевиот.
Надо бы прихлопнуть дрона!
Ну да ладно! Пусть живёт!

Пусть немного полетает,
Если только он – один!
Ну, а если будет стая,
В шкаф насыплю нафталин.

*Институту русского языка
и лично сотруднику отдела
культуры русской речи
С. Д. Шелову*

Я горжусь тем кратким словом,
Тем, чем славен наш язык,
И к которому с Шеловым
С детства раннего привык.

Все мы это слово знаем,
Почитай – с младых ногтей.
То, куда мы посылаем
Всех непрошенных гостей.

Тем, что пишут на заборах,
И которым визави
Обзывают в жарких спорах.
Ну, приятель, назови!

Если вдруг найдётся дама
Из присутствующих тут,
Кто не знает, против храма –
Специальный институт.

Тут работают толково,
И, конечно, есть отдел,
Что в трудах над этим словом,
Безусловно, преуспел.

И склоняют, и спрягают,
Диссертации куют.
И безудержно мечтают,
Что ФАНО туда пошлют.

Словарей штук пять толковых
Я протер почти до дыр.
Оказалось это слово
Из трёх букв, конечно, Мир!

Басня о талантах

Осе Рабиновичу

Он всех жюри всегда был членом.
По сути, то есть, непременно.

И отдавал свой голос дамам,
Как всем нам ясно, юным самым.

Приятно старым пердунам
Голосовать за юных дам.

Особенно, когда смазлива
И плюс – немного шаловлива.

Вот так, спасибо экстерьеру,
Порою делают карьеру.

Томитесь в поисках морали?
Её отыщете едва ли.

Но почему, хоть вы поймете,
У нас все бездари в почете?

Пример: был выдвинут поэт
Жюри из дам преклонных лет.

Корнею Чуковскому

Когда бы не был вечно пьяным
Весёлый, молодой Корней,
Мы встреч с усатым тараканом
Не знали бы до наших дней.

И если б не ходил под мухой
Тот вышеназванный Корней,
Зачем навозной цокотухой
Пугать нам маленьких детей?

Ещё хочу сказать вам прямо,
Совсем без всяких дураков,
Что нам тащить гиппопотама
Из топи – пара пустяков.

И если бы он изначально
Немного меньше поддавал,
Узнали бы мы, кто ж из спальни
От нашей мамы выбегал?

И если бы детали эти
Мы понимали до конца,
Мы б лучше знали, чьи мы дети,
И как фамилия отца.

Басенка о колбасе

Если бы её не клали
Перед этим на весы,
Мы бы так и не узнали
Веса этой колбасы.

А потом, когда узнали
Сколько стоит колбаса,
Есть её не начинали
Так примерно два часа.

У нашей жизни постсоветской
Нету лучшей полосы,
Чем отведать брауншвейгской
Несравненной колбасы.

Дети, дяденьки и тёти!
Мне, конечно, очень жаль,
Но, боюсь, что не поймёте
Этой басенки мораль.

А поймёте вы едва ли,
Если только вы в застой
По полсуток не стояли
За варёной колбасой.

* * *

Слегка уставший от гениальности
И запыхавшийся чуть-чуть,
Теперь несу одни банальности,
Несу одну сплошную муть.

Слегка устав от вундеркиндности,
Вступив в другую полосу,
Я с постоянством до завидности
Сплошную чушь теперь несу.

О дроне

Смотрят люди из окон.
Видят: в небе реет дрон,
Привлекая всех ворон.
Что же получается?
Получается, что дрон
Презавидным женихом
У ворон считается.

Дело в том, что испокон
Для невест, а позже жён –
Результат желаемый:
Был бы муж, как этот дрон,
Ею управляемый.

* * *

Если ходит королева
От супружника налево,
Спит с бароном, например,
Это будет адюльтер.

А, король еженедельно
Оприходует всех фрейлин.

А придворный венеролог
Лечит всех, откинув полог.

Во дворце играют дети?
Чисто генетически
Оказались дети эти
Все морганатические.

Вот, что значит – счастье,
В правящей династии.

* * *

Когда вернулся с целины,
Как щепка, был худой.
Сажусь за стол, а там блины
Стоят передо мной.

О, боже! Причитала мать
О, как ты похудел!
И я блинов не два, не пять,
А штук пятнадцать съел.

Теперь пришлось с годами стать,
Как бочка в ширину.
Пора, наверно, отправлять
Меня на целину.

* * *

Когда, особенно впервые,
К ней на свидание идёшь,
Надень кальсоны боевые.
Иначе крепость не возьмёшь!

Они должны быть цвета неба
Иль с цветом моря пополам,
И ты взаимности потребуй,
И будь настойчив и упрям.

И как в одной старинной сказке,
Какой-то витязь поступал:
Отрезав у кальсон подвязки,
Он руки девице связал

Хотел связать ей также ноги
Затем, чтоб не брыкалась впредь,
Но после размышлений многих
Решил: так проще овладеть.

И гении и эпигоны,
Позвольте дам наказ я вам:
«Советую надеть кальсоны
Для покорения милых дам».

* * *

Перед тем, как голову на плаху
Ты положишь, чтобы умереть,
Перед смертью чистую рубаху
Русскому положено надеть.

Умереть за Родину не жалко!
Будет бесконечно счастлив тот,
Для кого рубашечку стиралка
Постирает да и отожмёт.

Перед тем, как голову на плахе
Мне сложить, прошу мне дать совет
В отношении названной рубахи:
Надо ли утюжить или нет?